
ИСТОРИЯ СНГ

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.Ф. Гребениченко

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

С.Ж. Токтамысов

Кафедра общественных наук
Московская государственная академия акварели и изящных искусств
Сергея Андрияки
ул. Академика Варги, 15, Москва, Россия, 117133

Статья посвящена интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Доказывается, что интеграционный потенциал бывших советских республик обнаружил рост за счет нескольких региональных разнотемпных и разноотраслевых векторов очагового сближения. Установлено, что локомотивами интеграции являются мини-организации, ищущие новые направления прорывов к конвергенции экономик и систем управления. Показана историческая роль России в различных интеграционных проектах.

Ключевые слова: глобализация, интеграционные процессы, СНГ, ЕвразЭС, ОДКБ, ШОС, геостратегия, национальные интересы, внешняя политика, коллективная безопасность.

Интеграция постсоветского пространства может быть отнесена к процессам комплексной трансформации национальных экономик и систем управления, прежде всего стран – участниц Содружества Независимых Государств (СНГ), и в идеале нацеливается на интенсификацию межгосударственных отношений. Интеграция должна создавать новые формы управления,

сосуществующие с традиционными формами институтов государственной власти на национальном уровне. Это – многоаспектный процесс, который наряду с экономической кооперацией включает вопросы политики, безопасности, социального и культурного взаимодействия. В основе большинства существующих интеграционных схем в современном мире лежат торговое содружество и взаимозависимость хозяйственных комплексов, которые в перспективе ведут к глубокой конвергенции экономик и управленческих структур суверенных государств.

Считается, что интеграция на постсоветском пространстве – наиболее эффективный способ обеспечить социально-экономический прогресс в условиях острой глобальной конкуренции. Однако в постсоветский период имел место постепенный дрейф в сторону все меньшей (подчеркнем, именно общей) взаимозависимости всех стран – участниц СНГ, дифференциации их глобальных и региональных экономических и политических ориентиров. Если экономическая взаимозависимость союзных республик в конце 1980-х гг. достигала 97%, то через четверть века взаимозависимость между всеми членами СНГ составила 15%. Кроме того, на протяжении последнего десятилетия у каждой из стран Содружества, кроме Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, было больше экспортных и импортных связей с негосударствами СНГ, нежели внутри СНГ. Другой пример: в конце 2000-х гг. торговля между Евросоюзом (ЕС) и странами СНГ на $\frac{2}{3}$ превышает объемы торговли внутри СНГ. Объем торговли с Россией у многих стран Содружества составляет около 30%, а России со странами СНГ всего лишь 15% от общего объема ее торговли (1).

Интеграционные процессы на пространстве Содружества за четверть века проявлялись неравномерно как с точки зрения областей (отраслей), так и с точки зрения субъектов (стран) взаимодействия. Многомерный математико-статистический индекс общей интеграции для всего пространства Содружества показывает снижение в 1990–2000-е гг. уровней межгосударственного кооперирования и взаимозависимости бывших советских республик (2). Невысокую интеграционную отдачу Содружества признают и представители российской политической элиты.

Вместе с тем по-прежнему принимаются усилия по укреплению общего интеграционного потенциала Содружества в целях реализации в рамках этого широкого объединения ряда перспективных проектов в разных сферах. Так, в октябре 2011 г. в Санкт-Петербурге был заключен договор о зоне свободной торговли государств – участников СНГ. На саммите глав государств Содружества, прошедшем в декабре 2012 г. в Ашхабаде, подписан пакет документов, посвященных вопросам обороны, безопасности и правопорядка, финансового и культурного сотрудничества.

Сегодня руководство России ретроспективно рассматривает проекты взаимодействия новых суверенных государств за годы существования СНГ лишь как предварительный этап интеграции, которая уже в начале 2010-х гг.

воочию получила прорыв в малых форматах (Таможенный Союз, Единое экономическое пространство, др.). В результате возникло многоуровневое взаимодействие, при котором государства-участники тех или иных региональных объединений находятся на разных ступенях сотрудничества, причем разномасштабные интеграционные проекты не противоречат друг другу.

Именно ограниченная функциональность Содружества стала одной из причин инициирования в свое время более узких интеграционных схем на постсоветском пространстве – Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), причем Москва выступила их основным идеологом.

ШОС была организационно оформлена в 2001 г. с одновременным включением в состав организации Узбекистана в результате поэтапных шагов по демилитаризации границ пяти стран (КНР, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана), а также успешных саммитов на уровнях глав правительств и министров, отвечающих за безопасность и экономическое развитие. Вопросы безопасности были основными при формулировании миссии ШОС, однако вскоре круг интересов организации расширился, в частности из-за влияния КНР. На протяжении 2000-х гг. ее деятельность вызвала настороженную реакцию со стороны США, поскольку ШОС позиционировала себя в системе региональной безопасности организацией, не являющейся антиамериканской, но стремящейся действовать без участия Соединенных Штатов и их союзников. В ШОС для обозначения проблем безопасности используется концепция противодействия «трем злам»: терроризму, сепаратизму, экстремизму; а также нелегальной миграции и наркотрафику. Ее основными задачами остается укрепление региональной стабильности и безопасности, развитие экономического, научного и культурного взаимодействия.

В рамках ШОС наблюдается негласное соперничество Пекина и Москвы, которые пытаются укрепить свои экономические позиции в Центральной Азии (ЦА). Однако в настоящий момент указанная позиция пересматривается Кремлем в пользу развития тесного сотрудничества с КНР в рамках крупных совместных экономических проектов (3).

Важным интеграционным проектом в сфере безопасности на постсоветском пространстве стала ОДКБ, образованная в 2002 г. Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном (правда, последний вышел из организации в 2012 г.).

Первоначально ОДКБ воспринималась как прокремлевская военная организация, основанная на российском военном потенциале (подготовка и обучение офицерского состава, предоставление российских вооружений и военной техники, проведение совместных учений).

Вместе с тем за 10 лет эволюции региональное объединение трансформировалось в универсальную организацию безопасности, деятельность ко-

торой нацелена на отражение внешних угроз, борьбу с международным терроризмом, нелегальной миграцией и т.д. Крупными операциями по противодействию данным угрозам в рамках ОДКБ являются «Канал», «Нелегал», «Прокси» (4).

Ключевая идея данной организации, оформленная «Протоколом о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств-членов ДКБ», состояла в том, чтобы координировать ранее созданные региональные союзнические силы: кавказские «Россия–Армения» (1996 г.) и восточноевропейские «Россия–Беларусь» (1999 г.); коллективные силы быстрого развертывания в Центральной Азии (КСБР ЦА, 2001 г.) (5). Ограничителями сотрудничества в рамках ОДКБ сегодня выступает различие подходов и интересов государств-участников в отношении проблем безопасности, что требует выработки эффективных процедур принятия и реализации решений в рамках ОДКБ.

В свою очередь, ЕврАзЭС было создано в 2000 г. Россией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном на основе Договора о таможенном союзе и едином экономическом пространстве (1999 г.; в 2008 г. Узбекистан приостановил свое членство в организации). В 2005 г. происходит интеграция в состав данного сообщества другой региональной структуры – Центрально-Азиатского сотрудничества (ЦАС), имевшей значительное функциональное и географическое сходство с ЕврАзЭС (6).

В 2010 г. в рамках ЕврАзЭС создается Таможенный Союз, а в 2012 г. – Единое экономическое пространство (ЕЭП), объединившие Россию, Беларусь, Казахстан. Задачами новых интеграционных объединений становится создание общего рынка и формирование экономического союза.

Наконец, Союзное государство России и Беларуси является многофункциональным интеграционным объединением с целью создания единых экономического, политического, военного и культурного пространств. Основой поэтапной интеграции стали договоры о создании Сообщества (1996 г.), Союза (1997 г.), Союзного государства (1999 г.) (7). В этой сфере декларируется необходимость углубления финансовой интеграции в рамках реализации «Плана совместных действий Правительств и Центробанков двух стран по введению единой денежной единицы Союзного государства». Одним из важных направлений интеграции является реализация совместных межгосударственных экономических, оборонных, социальных программ и проектов. Их финансирование осуществляется из бюджета Союзного государства, объем которого в 2012 г. составил 4,8 млрд. руб. (8).

В рамках Союзного государства существует тесное внешнеполитическое взаимодействие Москвы и Минска, которые занимают единые или близкие позиции по ключевым международным проблемам. Укрепляется сотрудничество в сфере безопасности, антитеррористической деятельности, восстановления кооперационных связей между предприятиями ВПК. Эффективно функционирует совместная региональная группировка войск.

Вместе с тем можно выделить ряд аспектов, которые становятся ограничителями развития сотрудничества в рамках Союзного государства. Одним из них является факт создания на постсоветском пространстве новых интеграционных образований в торгово-экономической области ЕЭП, ОДКБ, сфера деятельности которых и Союзного государства в значительной степени пересекается, в результате возникает параллелизм их деятельности и, как следствие, подчинение интересов Союза двух государств текущим задачам новых многосторонних объединений. В результате с появлением интеграционных образований ценность Союзного государства, преимущественно в глазах российской элиты, существенно трансформировавшей свои внешнеполитические возможности, снизилась. А высказываемые ею предложения о вхождении Беларуси в состав России на правах одного или нескольких субъектов Федерации являются неприемлемыми даже для наиболее пророссийски настроенного сегмента белорусского общества (9). Очевидно также, что невозможно полное равноправие Беларуси и России в планируемых общих политических и финансовых органах Союзного государства в силу разности их экономических, территориальных, людских, ресурсных потенциалов.

Развитие интеграционного взаимодействия России с Беларусью в военной сфере выступало ответной мерой в рамках стратегии противодействия расширению НАТО на восток. В 2000-е гг. российская позиция в отношении расширения НАТО, по сути, становится прагматичной, ее можно характеризовать уже как сдержанно-негативную. В этих условиях интерес российской политической элиты к Союзному государству как к военно-политическому проекту заметно уменьшается (10). С другой стороны, наблюдается увеличение привлекательности Евросоюза среди белорусской политической элиты и населения при общем преобладании настроений к интеграции на постсоветском пространстве (11).

Одной из важнейших тенденций на постсоветском пространстве на рубеже XX–XXI вв. стало обострение борьбы за контроль над энергетическими ресурсами. При этом ряд членов СНГ (Россия, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан) выступают энергоэкспортерами, другие – энергоимпортерами или транзитерами. В середине 2000-х гг. Россия активизировала политику на постсоветском пространстве в энергетической сфере, в том числе через развитие нефте- и газотрубопроводных систем.

ЕС и США в этой связи сделали акцент на развитие альтернативных трубопроводов в обход российской территории. Москва же пытается решить противоположную задачу: укрепление позиций «Газпрома» в Евразии с целью закрепления конкурентных, ценовых преимуществ, сохранение российской монополии на транспортировку углеводородов из ЦА в Европу.

Наметившиеся к началу XXI в. смещение глобальной человеческой активности с Запада на Восток, перераспределение в том же направлении производственно-финансовых потоков, развитие новых путей мировой торговли

и инвестиций стали требовать, в том числе и от Кремля, формирования «нового экономического стиля». Причем стиля более прозрачного и управляемого, менее спекулятивно-коррупционного. А также готовности к взаимопониманию партнеров. Солидарность явила собой важнейшее требование времени. Однако понято это оказалось не всеми.

Беспрецедентное исторически, провальное финансово и проигранное с точки зрения геополитических и геоэкономических интересов России отключение поставок газа для своего партнера по интеграции – Украины, и вследствие этого «обесточивание» значительной части Европы в начале 2009 г. воочию показали, что энергетическая зависимость ЕС может стать политической зависимостью, которой не могут допустить США. В итоге Кремль не только подтолкнул Европу к еще большей внутренней консолидации в рамках Евросоюза и НАТО, но и фактически развязал руки Соединенным Штатам для их более активного проникновения в Центрально-Азиатский регион постсоветского пространства, где и сосредоточены перспективные мировые запасы нефти и газа.

Сегодня Россия вынужденно пытается сформировать картель стран – газопроизводителей («Газовая ОПЕК») с участием государств ЦА на основе объединения Форума стран – экспортеров газа (GECF). К числу важнейших альтернативных ему газотранспортных проектов относится газопровод «Набукко», протяженность которого должна была составить 3,3 тыс. км, уровень инвестиций оценивается в 10–14 млрд евро (12). Планировалось, что данный трубопровод позволит обеспечить газовые поставки из Туркменистана и Азербайджана через Турцию и южные страны Восточной Европы в Австрию. Реализация проекта связана со значительными трудностями в силу неопределенности ресурсной базы для поставок.

Официальный Кремль выражает скептицизм в отношении перспектив заполняемости «Набукко». Западная позиция состоит в возможности заполняемости газопровода туркменским газом, при условии активной газодобычи на месторождении «Южный Иолотань–Осман». В перспективе Туркменистан сможет осуществлять газовые поставки по «Наббуко» до 30 млрд куб. м в год. Определенный интерес к проекту проявляет и Казахстан. В то же время проблема неурегулированности морских границ между прикаспийскими государствами создает неопределенность в отношении прохождения газопровода по дну Каспийского моря. Иранский маршрут прохождения «Набукко» сталкивается с серьезными политическими и санкционными ограничениями, наложенными на Иран из-за его ядерной программы.

В 2005 г., когда сформировался Международный консорциум для строительства газопровода «Набукко», Россия объявила о запуске конкурирующего проекта «Южный поток», который должен стать важным элементом расширения российского влияния в странах Южной и Центральной Европы, диверсификации маршрутов поставок газа. Проектная мощность составляет 63 млрд м³; стоимость проекта – 15,5 млрд долл. При этом первые

поставки газа по газопроводу запланированы на конец 2015 г. (13). Газопровод «Южный поток» должен пройти в обход Украины по дну Черного моря через Балканы в Италию и Австрию. Согласие России с европейской системой ценообразования на центрально-азиатский газ (340 долл. за 1000 куб. м с 2009 г.) способствовало ликвидации на него ценовых диспропорций и снижению прибылей у «Газпрома» в процессе транзита газа из ЦА в Европу. С другой стороны, повышение закупочных цен на газ способствовало укреплению позиций «Газпрома» в ЦА, «привязке» Казахстана, Узбекистана и Туркменистана к российской газотранспортной системе (14)

В последнее время энергетическое сотрудничество на постсоветском пространстве активно развивается в рамках ШОС. Данная организация в перспективе сможет превратиться в крупный газовый картель в случае принятия Ирана в ШОС. Вместе с тем возникает проблема согласования интересов газопроизводителей, стремящихся удержать цены на высоком уровне, с интересами КНР, выступающей в роли крупнейшего газопотребителя и заинтересованной в обеспечении прямого доступа к энергоресурсам ЦА, в поддержании приемлемых для себя газовых цен.

Важной международной проблемой, затрудняющей инвестиции в масштабные инфраструктурные проекты, остается проблема определения правового статуса Каспийского моря. Вопрос признания Каспия открытым (море) или закрытым (озеро) водоемом напрямую связан с определением морских границ между государствами региона. В частности, согласно одному из проектов водная поверхность остается общей для всех прикаспийских государств, дно водоема разделяется на национальные сектора в соответствии с протяженностью береговой линии. В этом случае Россия получает контроль над 19% морского дна, Казахстан – 29%, Азербайджан – 21%, Туркменистан – 17%, Иран – 14%. Этот вариант невыгоден для Ирана, который предлагает равнодолевой раздел водоема между каспийскими государствами (по 20% поверхности дна и акватории моря каждой стране) (15).

В настоящее время Россия урегулировала территориальные проблемы с Азербайджаном и Казахстаном в рамках совместных договоренностей. Москва поддерживает позицию Тегерана в отношении закрытия Каспийского моря для военного присутствия внерегиональных сил (в первую очередь для США). Кроме того, Иран и Россия настаивают на консенсусе всех пяти прикаспийских государств в отношении строительства любых транскаспийских трубопроводов. Азербайджан и Туркменистан отстаивают иной подход, согласно которому достижение соглашения необходимо лишь между участниками подобных проектов, а не всех прикаспийских государств.

Теоретически страны ЦА, находясь на пересечении интересов различных внешних сил, могли бы попробовать обозначить свои общие интересы и сыграть на противоречиях различных «игроков» в регионе. Однако фактор недоверия в отношениях между некоторыми странами региона, их высокая конфликтогенность, противоречие интересов, недостаточная инфраструк-

турная развитость и другие элементы ослабляют интеграционный потенциал государств ЦА, препятствует выработке общих интересов. Россия на протяжении длительного времени извлекала значительные выгоды в ЦА, являясь монополистом в газотранспортной области. С другой стороны, значительная активизация Китая в ЦА ведет к долгосрочным изменениям в регионе. Китайский фактор ослабляет российские позиции в регионе, способствует «переключению» маршрутов транспортировки газа с запада на восток.

Таким образом, с начала 2000-х гг. политика России на постсоветском пространстве значительно активизировалась, происходила смена ее акцентов, она приобрела больший прагматизм и гибкость, произошло ее доктринальное оформление. Налицо ревизия внешнеполитических и экономических интересов России на пространстве СНГ, рост упорядоченности и системности ее сотрудничества с государствами – членами Содружества.

Вместе с тем обращает на себя внимание ряд факторов, ведущих к усилению геополитической неопределенности и, в перспективе, к обострению конфликтов ведущих мировых сил за переформатирование постсоветского пространства. Среди них можно отметить: геополитическую «пестроту» Евразийского региона; фактор разнополюсного интеграционного тяготения суверенных субъектов постсоветского пространства; противоречия между различными внешними силами; отсутствие стратегического выбора у части стран – участниц СНГ в пользу определенной идеологической ориентации.

Вместе с тем важнейшей тенденцией стало превращение постсоветского пространства в объект секьюритизации для ключевых мировых сил (США, Россия, Китай, Индия, Иран и др.), международных организаций (НАТО, ЕС, ШОС, ОДКБ и пр.) и международных финансовых институтов. Важным фактором стало усиление региональной конкуренции за доступ к ресурсам, контроль над маршрутами транспортировки углеводородов, политическое, экономическое, военное влияние. В итоге возникает проблема согласования пророссийских интеграционных проектов с другими векторами притяжения постсоветского пространства (например, «Организация за демократию и экономическое развитие» (ГУАМ), Центрально-азиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС) и др.), снятия параллелизма и противоречий в деятельности различных интеграционных объединений.

В мире складывается во многом новая геополитическая и геоэкономическая конфигурация «двадцатки», основной костяк которой – неформальный «союз» двух титанов – США и Китая, как двух наиболее сильных, соперничающих и одновременно во многом взаимозависимых государств, которые и будут определять ближайшее мировое развитие. А значит, для России, если она не реализует необходимые радикальные перемены, и в новом глобальном раскладе – в лучшем случае – не останется иного места, кроме как сырьевого придатка, да еще фактически поделенного между «Большой двойкой». По большому счету, экспортно-сырьевая ориентация российской экономики объективно определяет политические ориентиры и стиль управ-

ления – олигархические, коррупционные в своей основе. Однако олигархическая российская элита, «создавшая уродливую экономику-мутанта, позволяющую ей становиться еще богаче, не нужна в качестве союзника никому – ни Западу, ни Востоку» (16).

Вместе с тем Россия, ее ближайшие соседи фактически обречены интегрировать свои усилия по наращиванию национальных экономических потенциалов в целях улучшения качества жизни своих граждан, обеспечения коллективной безопасности, суверенитета и целостности стран Содружества. В настоящий момент наиболее актуальной становится проблема территорий, в особенности земель, богатых невозпроизводимыми и воспроизводимыми ресурсами, способных обеспечить население необходимыми и становящимися все более дефицитными продуктами питания.

Серьезными ограничителями интеграционных усилий Москвы на пространстве СНГ оказались высокая региональная непредсказуемость и нестабильность. Одной из важнейших проблем для официального Кремля становится развитие взаимодействия с другими внешними акторами и создаваемыми ими институциональными структурами. А для этого Российской Федерации необходимо прежде всего увеличение инвестиций в интеграционные проекты с ее участием с целью сохранения и развития ключевых элементов своего влияния на обширном постсоветском пространстве Евроазиатского региона.

При этом следует отдавать себе отчет в том, что меняется сама природа эффективности международной инвестиционно-финансовой деятельности. В перспективе будут выигрывать те глобальные и региональные инвесторы, которые уделяют первостепенное внимание не спекулятивно-финансовой деятельности на интегрируемых рынках, а вопросам повышения реальной эффективности международно-кооперируемого производства и уровня межгосударственного и корпоративного управления.

И связано это с тем, что уже происходит переход к так называемому «шестому технологическому укладу» – переменам технологии, сравнимым с переходом к Интернету и массовому внедрению персональных компьютеров. Мотором перехода являются США, Япония, ЕС, Юго-Восточная Азия, поскольку именно там сосредоточено производство высокотехнологической продукции. В 2007 г. распределение такой продукции было следующим: США – 36%, ЕС – 18%, КНР – 17%, Япония – 16%. При этом доля России составила всего 0,2–0,3%, что, по разным оценкам, в 100–150 раз меньше чем США, в 50–70 раз меньше Китая! Идет процесс увеличения технологического отставания России: средний возраст работников российских промышленных предприятий (за исключением топливно-энергетического комплекса) составляет более 50 лет, износ основных отраслевых фондов составляет 50–74% (17).

Так что вовсе не исключено, что российская экспортно-сырьевая модель экономики в обозримом будущем окажется тупиковой и бесперспективной.

Кратковременный по историческим меркам шанс масштабной востребованности отечественных ресурсов не должен быть упущен, а напротив, максимально использован на модернизацию экономики и перестройку общества. Иначе в перспективе Россия может столкнуться с серьезными вызовами и угрозами, вплоть до утраты своего суверенитета.

Такова общая ситуация, обуславливающая и ориентиры российской внешнеполитической деятельности. С точки зрения национальных интересов жизненно необходимы государственные приоритеты усиления интеграции на постсоветском пространстве в различных сферах, укрепление взаимопонимания с ближними и дальними соседями, партнерства с ключевыми государствами Запада и Востока, поиск единомышленников на Юге, недопущение дестабилизации системы международных отношений, препятствие втягиванию России в военно-политические конфликты. В среднесрочной перспективе ключ успеха внешнеполитических решений Москвы на глобальном уровне – в достижении консенсуса и региональной солидарности на пространстве Содружества.

В этом направлении требуются «титанические» усилия по улучшению имиджа России и привлекательности ее социально-экономической модели: сокращение разрыва между «заоблачным» богатством немногих и массовой бедностью; активное использование интеллектуального потенциала россиян; технологическое перевооружение страны. Крайне важны: реальные национальные инновации – внедрение принципиально новых технологий производства, управления, торговли, овладение воспроизводимыми видами энергии, наращивание «экономики знания»; помимо этого консолидация российского общества за счет роста его благосостояния, развития образования, культуры и здравоохранения; наконец, поднятие международного престижа страны путем ясной и твердой внешней политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Шшиков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. – М., 2001; Таблицы мирового развития // Год планеты. – Вып. 2. – М., 2009.
- (2) См.: Евразийская экономическая интеграция. – 2009. – № 4. – С. 43.
- (3) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия // Президент России: официальный сайт // http://президент.рф/ref_notes/719
- (4) См.: ОДКБ: ответственная безопасность / Под общ. ред. И.Ю. Юргенса. – М., 2011.
- (5) См.: Организации Договора о коллективной безопасности: официальный сайт // <http://www.odkb-csto.org>
- (6) См.: Евразийского Экономического Сообщества: официальный сайт // <http://www.evrazes.com>
- (7) См.: Информационно-аналитический портал Союзного государства // <http://www.soyuz.by>

- (8) Декрет Высшего Государственного Совета Союзного Государства 25 ноября 2011 г. № 2 «О бюджете Союзного государства на 2012 год» // Союз. Беларусь–Россия. – 2011. – 8 декабря.
- (9) См.: *Ляхович А.* Лукашенко: игра с Россией или диалог с Западом? // Евразийский дом: официальный сайт // <http://eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1796>
- (10) Итоги с Владимиром Путиным: внешняя политика. – Ч. 1 // Агентства Политических Новостей: официальный сайт // <http://www.apn.ru/library/article19832.htm>
- (11) *Зеленкова А.* Белорусы не хотят строить с Россией союзное государство // Салідарнасць // http://www.gazetaby.com/cont/print.php?sn_nid=21536
- (12) Еврокомиссар по энергетике оценил стоимость проекта Nabucco... // РБК: официальный сайт // <http://quote.rbc.ru/topnews/2011/10/14/33446255.html>
- (13) *Ланидус В.* Строительство российского газопровода «Южный поток» создает новую геоэкономическую инфраструктуру, связывающую страны Центральной Азии со странами Южной и Центральной Европы... // VIPERSON: официальный сайт // <http://www.allrus.info/main.php?ID=657642>
- (14) ОАО «Газпром» // <http://www.gazprom.ru>
- (15) *Кокшаров А.* Иран.Ру: Два полюса Каспийского моря // ЦентрАзия: официальный сайт // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1022501340>
- (16) Цит. по: *Пионтковский А.* Шах или мат от Збига? // Грани.Ру: ежедневная интернет-газета // <http://grani.ru/Politics/Russia/m.146616.html>
- (17) Радзиховский Л. Два шанса России // Время электроники: официальный сайт // <http://www.russianelectronics.ru/leader-r/pechat/35010>

NOTES

- (1) Shishkov Ju.V. *Integracionnye processy na poroge XXI veka. Pochemu ne integrirujutsja strany SNG* [Integration processes on the threshold of XXI century. Why not integrate the CIS]. Moscow, 2001; *Tablitsy mirovogo razvitiya, God planety* [Year of planet], 2009, no. 2.
- (2) *Evraziaskaya ekonomicheskaya integratija* [Eurasian economic integration], 2009, no. 4, p. 43.
- (3) Sovmestnoye zayavlenie Rossiiskoy Federacii i Kitaiskoy Narodnoi Respubliki o vsestonnem uglublenii rossiisko-kitaiskih otnoshenii partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistvia, *Prezident Rossiit* [President of Russia], Available at: http://президент.рф/ref_notes/719
- (4) *ODKB: otvetstvennaya bezopasnost* [CSTO: responsible security]. Ed. by I.Y. Jurgens, Moscow, 2011.
- (5) *Organisatii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti: oficial'nyj sajт* [Collective Security Treaty], Available at: <http://www.odkb-csto.org>
- (6) *Evraziiskogo Ekonomicheskogo Soobchestva* [Eurasian Economic Community], Available at: <http://www.evrases.com>
- (7) *Informationno-analiticheskii portal Souznogo gosudarstva* [Information analysis portal of the Union State], Available at: <http://www.soyuz.by>
- (8) Dekret Vysshego Gosudarstvennogo Soveta Souznogo gosudarstva 25 noyabra 2011. № 2 «O budgete Souznogo gosudarstva na 2012 god», *Souz. Belarus-Rossia* [Union. Belorussia-Russia], 2011, 8 December.
- (9) Liakhovich A. Lukashenko: igra s Rossii ili dialog s Zapadom? *Evraziiskiy dom: oficial'nyj sajт* [Eurasian Home], Available at: <http://eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1796>

- (10) Itogi s Vladimirom Putinyim: vneshnia politika. – Ch. 1., *Agentstvo Politicheskikh Novostei* [Political News Agency], Available at: <http://www.apn.ru/library/article19832.htm>
- (11) Zelenkova A. Belarusians do not want to build a union state with Russia, *Solidarnost'* [Solidarity], Available at: http://www.gazetaby.com/cont/print.php?sn_nid=21536
- (12) Evrokomissar po energetike ocenil stoimost proekta Nabucco..., *RBC* [RBC], Available at: <http://quote.rbc.ru/topnews/2011/10/14/33446255.html>
- (13) Lapidus V. Stroitelstvo rossiiskogo gazoprovoda «Yuznyi potok» sozdaet novuyu geoeconomicheskuyu infrastrukturu, svyazyvaushyu strany Centralnoi Azii so stranami Yuzhnoi i Centralnoi Evropy..., *VIPERSON* [VIPERSON], Available at: <http://www.all-rus.info/main.php?ID=657642>
- (14) *OAO «Gazprom»* [JSC «Gazprom»], Available at: <http://www.gazprom.ru>
- (15) Koksharov A. Iran.ru: Dva polusa Kaspiiskogo moraya, *CenterAsia* [CentralAsia], Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1022501340>
- (16) Piontkovskij A. Shah ili mat ot Zbiga? *Grani.Ru: ezhe-dnevnaia internet-gazeta* [Grani.ru: Daily Online Newspaper], Available at: <http://grani.ru/Politics/Russia/m.146616.html>
- (17) Radzhikhovskiy L. Dva shansa Rossii, *Vremya elektroniki* [Time of electronics], Available at: <http://www.russianelectronics.ru/leader-r/pechat/35010>

INTEGRATION POTENTIAL OF POST-SOVIET AREA FOR A QUARTER OF A CENTURY: PROBLEMS AND PROSPECTS

S.F. Grebenichenko

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

S.Zh. Toktamysov

Department of Social Sciences
State Watercolour and Fine Arts Academy of Sergei Andriaka
Akademika Vargi Str., 15, Moscow, Russia, 117133

The article is devoted to the integration processes in the post-Soviet area. The authors prove that the integration potential of the former Soviet republics increased through some regional multispeed and different sectoral vectors of focal convergence. It is concluded, that the engines of the integration are mini-organizations, which seek for new areas of breakthrough to the convergence of economies and control systems. The authors show the historical role of Russia in various integration projects.

Key words: globalization, integration processes, CIS, Eurasian Economic Community, CSTO, SCO, geostrategy, national interests, foreign policy, collective security.